

Губы едва разомкнулись, когда Синь Юэ грубо схватила Лин Тань за затылок своими длинными цепкими пальцами, наклонилась и прижалась к ней лбом. В её узких глазах, казалось, бушевала сотня чувств — гнев, смешанный с обидой, обида, переплетённая с непокорством. Она пристально смотрела на Лин Тань, а её хриплый от нахлынувших эмоций голос слегка дрожал.

— Ты мне должна только за ремонт машины?

Она выговаривала каждое слово с упрёком. — Лин Тань, да есть ли у тебя вообще сердце?!

...

— Юэюэ, не надо... — обычно мягкий голос сейчас звучал слабо и бессильно.

Синь Юэ вскинула подбородок, глядя на неё свысока. — Кто ты такая, чтобы называть меня Юэюэ?

— Юэюэ...

Синь Юэ почувствовала, будто в самом глухом уголке её сердца что-то резко кольнуло. Старые раны, которые она считала давно зажившими, внезапно разверзлись, и из них снова сочилась кровь. Сколько лет прошло! Она думала, что давно оставила этого человека в прошлом, забыла те времена. Даже когда они случайно столкнулись на улице, она лишь на миг погрузилась, и всё.

Но почему же этот, казалось бы, стёртый из памяти человек по-прежнему так легко управлял её эмоциями? Лин Тань была такой хрупкой, такой худой, такой незащищённой — словно лёгкий ветерок мог её повалить. И всё же стоило ей появиться перед Синь Юэ, как весь её холодный рассудок мгновенно испарялся.

Какая нелепость — она просит её «не надо». Как она смеет такое говорить? Кто из них двоих устраивал сцены? Кто из них был виноват?

Узкие глаза Синь Юэ постепенно застилала красная пелена, последняя искра здравомыслия в её сознании поглощалась гневом.

— Я сказала, не зови меня Юэюэ!

Резко наклонившись, она снова впиалась в её губы цвета красной бобовой пасты...

Возможно, виной тому были давно забытые телесные воспоминания, но её сердце начало биться чаще, кожа по всему телу стала обжигающе горячей, а руки, обхватывавшие тонкую талию, задвигались, начали беспокойно блуждать. Знакомое, но одновременно чуждое ощущение заставило её кровь вскипеть. Гнев, печаль, обида, непокорство и невысказанная, непризнанная тоска смешались в груди, оставляя горько-кислый привкус.

Синь Юэ чувствовала, что сходит с ума.

Желание вспыхнуло неудержимо. Это то, что та ей должна. Раз уж она так хочет рассчитаться, что ж, Синь Юэ её удовлетворит.

...

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем она запоздало осознала влагу на своей

щеке. Человек в её объятиях уже не сопротивлялся, худощавое тело прислонилось к двери, глаза были закрыты — словно она смирилась со своей участью и позволила делать с собой что угодно. Только слёзы беззвучно текли по её лицу. Вдруг в сердце Синь Юэ что-то дрогнуло. Яростное пламя гнева, казалось, мгновенно залили с головы до ног ледяной водой, и вместе с ним остыло пылающее желание.

Не получается. Всё равно не получается. Она чувствовала себя такой беспомощной. Столько лет прошло, а она всё ещё не могла оставаться равнодушной к слёзам этой женщины. В одно мгновение она потеряла все силы, даже пошевелить пальцем стало невыносимо тяжело.

— Уходи, — она отпустила женщину в своих объятиях и в изнеможении рухнула на стул, произнося с горечью. — И никогда больше не возвращайся.

— Хорошо. — Едва это слово слетело с губ, как худощавое тело Лин Тань бессильно сползло на пол.

Места в Центральной больнице Линьчэна всегда были в дефиците, но для семьи Синь это, конечно, не составляло проблемы.

В палате интенсивной терапии на верхнем этаже больницы врач в белом халате почтительно и вежливо доложил:

— Мисс Синь, состояние вашей подруги пока не вызывает серьёзных опасений, вероятно, это просто гипогликемия. Однако у неё наблюдается выраженное истощение, на это стоит обратить внимание.

С чего бы это ей истощаться? Синь Юэ нахмурилась, и её лицо внезапно стало ледяным.

Полноватый врач, испугавшись её выражения, с нервозностью предложил:

— Если вы беспокоитесь, можно провести полное обследование.

Синь Юэ махнула рукой. — Поняла. Когда она придёт в себя, я сама с ней поговорю. Благодарю.

Врач, явно почувствовав облегчение, понял, что его присутствие нежелательно, и поспешил ретироваться.

Она подошла и села у кровати, всматриваясь в исхудавшее, уставшее лицо на больничной подушке.

По сравнению с воспоминаниями, это лицо стало гораздо тоньше.

Она помнила, как тогда, у Лин Тань только что сошли последние следы детской пухлости, а линия подбородка обрела изящный изгиб. Черты лица были тонкими, и хотя каждая в отдельности не была идеальной, вместе они создавали неповторимую ауру — нежность с лёгким оттенком мужественности. Длинные ноги, узкие плечи, хрупкая спина. А когда в её глазах вспыхивал огонёк, она излучала очарование, сама того не ведая, и её улыбка сражала наповал не один десяток поклонников.

Сейчас на больничной койке всё ещё угадывались черты той, прежней Лин Тань, и даже

нежность её стала ещё глубже. Выглядела она как зрелая и красивая женщина. Но в её когда-то ясных глазах теперь читалась усталость, а между бровей застыла складка от постоянного напряжения. Разве муж у неё не был успешным? Разве у неё не было счастливой семьи и прелестной дочери? Почему же всё так?

Воспоминания проносились в голове одно за другим, эмоции переполняли, и незаметно для себя Синь Юэ почувствовала, как глаза наполняются влагой...

— Ты... почему плачешь? — неожиданно раздался голос с кровати. — Со мной всё в порядке, не плачь.

Синь Юэ резко встала, подошла к окну, повернувшись спиной к больничной койке, и подняла лицо к ослепительному солнцу, стараясь казаться холодной.

— Я не плачу. Это дождь пошёл.

Последним уроком в этот день была математика. Учитель математики принёс с собой кучу пособий, которые было неудобно нести одному, и попросил Шэнь Цинчэн помочь донести их до учительской.

Классный руководитель, учитель Чжан, сидел за столом, уткнувшись в телефон, и, увидев Шэнь Цинчэн, радостно воскликнул:

— Шэнь Цинчэн, ты как раз вовремя! Позови-ка Гу Чэнси, сейчас наша команда по дебатам будет фотографироваться.

Шэнь Цинчэн послушно ответила «Хорошо», поставила пособия на место и вышла из кабинета.

— Учитель Чжан, вы ловкач, так быстро команду собрали, — с лёгкой насмешкой сказал учитель математики. — А ещё пару дней назад говорили, что желающих нет. Уж думал, ваша линия волос снова в опасности.

Учитель Чжан самодовольно усмехнулся. — Какие шутки! Я вам сейчас покажу, что старый конь борозды не портит. — С этими словами он снова опустил голову, продолжая что-то делать на телефоне. На экране был открыт школьный форум.

Вчера вечером пост под названием «Богиня прибыла» взорвался, как бомба, вызвав бурю обсуждений. За одну ночь новость об участии Шэнь Цинчэн в дебатах облетела всю школу. Хотя Шэнь Цинчэн и раньше была известна, но не настолько, чтобы о ней знал каждый первоклассник. Однако после появления поста «Богиня прибыла» кто-то, не знавший Шэнь Цинчэн, спросил в комментариях, и какой-то ночной совёнок моментально выложил её фотографию, сопроводив её подписью:

«На севере есть красавица, неповторимая и независимая.

Один взгляд покоряет город, второй — страну».

Посыпались десятки комментариев.

— Кто это фото моей девушки выложил?

— Эй, наверху, следи за языком. Это моя девушка.

— Боже, это и правда богиня. Как я не замечал, что у нас в первом классе есть такая красотка?

Даже старшеклассники встряли в обсуждение.

— Красивая первокурсница! Вы, первоклашки, что, красотой брать собрались?

— Эй, а где ваше старшеклассное достоинство? Как старшеклассник, разве я не должен спросить: «Подруга, парень нужен? Могу помочь».

Форум бурлил.

...Эти сорванцы. Учитель Чжан, листая посты, внутренне посмеивался.

Он и сам прошёл через юность и понимал, что такое подростковая влюблённость. Он не был ханжой и отлично понимал этих шестнадцатилетних — учёба и жизнь скучны и однообразны, давление огромное, вот они и рады любому поводу пошуметь. Тем более что этот ажиотаж он сам и подогрел. Но теперь, когда цель достигнута, пора бы и поумерить пыл. Он поправил очки и ловко сменил аккаунт: на экране имя пользователя сменилось с «Не знаю, как назваться» на «Я — старый Чжан».

На краю баскетбольной площадки Гу Чэнси в одной руке держала бутылку с водой, в другой — телефон. Весь экран был забит обсуждениями Шэнь Цинчэн. Она глянула на него, почувствовала раздражение и отбросила телефон в сторону.

Фан Юаньчжи, весь в поту, сошёл с площадки, открутил крышку бутылки с напитком, сделал несколько больших глотков и, подойдя, плюхнулся рядом с Гу Чэнси.

<http://bllate.org/book/15948/1425888>